

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Пролог КРАСНЫЙ СТАКАН	13
Глава первая ПРЫЖОК	28
Глава вторая СЕТЬ	62
Глава третья ДВОЕ	110
Глава четвертая ВЫЛЕТ	209
Глава пятая ВОЖДЬ	281
Глава шестая ДОЖДЬ	366
Глава седьмая СЖАТИЕ	464
Эпилог БАШНЯ	559

ОТ АВТОРА

«Истребитель» — третья книга «И-трилогии», начатой романами «Икс» (2012) и «Июнь» (2017). Как и в «О-трилогии» («Оправдание», «Орфография», «Остромов»), все три части автономны, но лучше читать их в том порядке, в каком они написаны.

Желание написать «Истребитель» впервые появилось у меня при чтении дневников журналиста-правдиста Лазаря Бронтмана (1905–1953), заботливо собранных, оцифрованных и прокомментированных его сыном Ростиславом (1930–2014). Бронтман систематически вел дневники с 1932 года. Он был одним из лучших московских репортеров и побывал решительно везде — на Северном полюсе (высадился там с Трояновским и Виленским — ни один журналист до них там не появлялся), на льдине с папанинцами, на поисках земли Санникова (в экспедиции Ушакова), в пустыне Каракумы (в автопробеге), поднимался на самолетах, устанавливавших рекорды, и дружил с лучшими летчиками, которых многократно интервьюировал. Бронтман жил в напряженнейшем темпе, а поскольку я прорабо-

тал в газете сорок лет и вряд ли добровольно расстанусь с этим занятием, мне ужасно понравились его азарт и счастливое чувство причастности к самому главному. Один неудавшийся журналист писал о «лихорадочном бесплодии» редакционной жизни. По-моему, лихорадочное бесплодие — это как раз все остальное. Впрочем, многое зависит от эпохи — но, смею думать, и от наблюдателя. Бронтман был наблюдателем и хроникером Божьей милостью.

Он часто бывал на кремлевских приемах, на торжественных встречах героев, на пленумах и съездах; он беседовал со Сталиным, который высоко ценил его статьи, с Микояном, Ворошиловым, Калининым, Кагановичем, Вышинским. О встречах с вождями ему рассказывал Чкалов (особенно меня восхитила история с лимонами на отдыхе в Сочи — я кое-что присочинил, но рассказ изложен в дневниках, такого не выдумаешь!). Вообще чтение этих записей, которые любой желающий найдет, например, по адресу http://militera.lib.ru/db/brontman_1k/index.html, — увлекательнейшее занятие, и я от души рекомендую их всем, кто, подобно мне, пытается разобраться в причинах триумфа и краха советского проекта. Их военная часть в 2007 году издана книгой в «Центрполиграфе» под редакцией доктора исторических наук В.А. Невежина. Эта книга давно стала источником бесценных деталей для историков.

Бронтман — одна из трагических и символических фигур эпохи: в 1948 году он, член партии с 1941 года, редактор отдела информации «Правды», а впоследствии ее военного отдела, все пять лет войны выезжавший на фронт, четырежды орденосец, попал под кампанию «борьбы с космополитами». Вся вина Бронтмана состояла в фамилии — и дружбе с несколькими учеными и врачами, оказавшимися под катком «партийной критики». Сначала он вынужден был взять псевдоним Лев Огнев, потом был изгнан из газе-

ты и перешел редактором в «Знамя», но печататься ему уже не давали. Можно себе представить, как переносил вынужденное бездействие этот человек, прежде писавший в номер едва ли не ежедневно, живший стремительно и рисковавший собой в пустыне, во льдах и на фронте. Бронтмана свалил инсульт, от которого он уже не оправился. К чести его друзей, летчиков, полярников, авиаконструкторов, — никто не отвернулся от него, все помогали семье, но даже начавшаяся эпоха «реабилитанса» не смогла вернуть ему силы. Он пережил Сталина на 9 месяцев.

Дневники и книги Бронтмана (в особенности брошюра о Владимире Коккинаки и о рекордном перелете «Родины») внушили мне странное чувство: именно при знакомстве с ними я впервые в жизни ощутил постыдную, может быть, зависть к героям этого времени, про которое нам вроде бы столь многое известно — уж как-нибудь достаточно для того, чтобы не плакать ночью о времени большевиков, а если и плакать, то не от зависти. Попыткой разобраться с этим нелогичным чувством стала книга, которую вы держите в руках.

Как и одна из героинь этой книги, автор пытается сделать производственному роману метафизическую прививку, то есть напомнить сестрам Лазаря Марфе и Марии, что они, в конце концов, дети одной матери. Поэтому, при всем авторском старании с максимальной достоверностью описать авиационную технику, это не справочник по истории советской авиации. В хронологии тоже встречаются сдвиги (не настолько, однако, существенные, чтобы нарушить логику истории). Так, дрейф «Седова» закончился в феврале 1940 года, а не в августе 1939-го; прыжок с парашютом и гибель Любы Лондон (Берлин) описывается в дневнике Бронтмана в 1936 году; Гриневицкий далеко не тождествен Леваневскому, Донников — Бронникову,

да и Волчак сильно отличается от прототипа. Тем не менее приключения, кажущиеся самыми невероятными, имеют строго документированный источник. Предполагаемый маньяк, патологоанатом Афанасьев-Дунаев (в романе Артемьев), действительно упоминался в разговоре Бронтмана с Вышинским, был выпущен и работал в качестве военврача. Карл Сциллард в Омске действительно был забыт в бане в сорок втором и увидел в окне жену и дочь. Большая часть реплик Сталина документальна. Я опирался и на стенограммы, и, конечно, на дневник. Что касается Льва Бровмана, он, в отличие от Лазаря Бронтмана, работает в «Известиях», многие его приключения — чистый вымысел, и автор из искренней любви к протагонисту позволил ему дожить до полета Гагарина. Мне кажется, он заслужил и это, и право произнести последнюю фразу всей трилогии: «ВСЕ-ТАКИ Я БЫЛ ОЧЕНЬ ВЫСОКО».

Этот роман — мое последнее обращение к советской истории. По крайней мере я так думаю, потому что в нем, кажется, объяснил себе ее феномен. Правильных, то есть универсальных, объяснений не бывает, но для меня эта тема закрыта. Из руин вавилонского зиккурата Александр Македонский велел построить цирк. А на свете есть много еще удивительных пространств, государств и даже людей.

*Дмитрий Быков
Москва, ноябрь 2020*

*Расскажи мне, дружок, отчего вокруг засада?
Отчего столько лет нашей жизни нет как нет?
От ромашек-цветов пахнет ладаном из ада,
И апостол Андрей носит «Люгер» пистолет?*

*От того, что пока снизу ходит мирный житель,
В голове все вверх дном, а на сердце маета,
Наверху в облаках реет черный истребитель
Весь в парче-жемчугах с головы и до хвоста.*

*Кто в нем летчик-пилот, кто в нем давит на педали?
Кто вертит ему руль, кто дымит его трубой?
На пилотах чадра, ты узнаешь их едва ли,
Но если честно сказать — те пилоты мы с тобой.*

Борис Гребенщиков, 1996

*Однажды мне пришлось рецензировать работу одного
исследователя насчет маленького писателя XIX века,
которого вряд ли кто-нибудь здесь знает, — я имею в виду
Воскресенского. У него есть роман «Женищина».*

*Он начинается вот с чего. Однажды на балу он встречается
прекрасную женщину, усеянную бриллиантами.*

*Эта женщина представляется ему каким-то чудом
(как декорации Гонзаго). Он не может приблизиться
к ней, потому что ее окружает невероятный круг
обаяния, отвержения, люди, стоящие около нее, как бы
отгораживают ее, а она вся радирует.*

*Проходит некоторое время. Однажды он возвращается
ночью с попойки. Устал, недоволен, мрачен. По улице
идут прачки. Они везут бочку воды и белье. А впереди он
видит женщину, несколько похожую на ту, которую
видел раньше на балу, в том окружении. Его поражает
сходство. Он идет за ней и вдруг по родинке узнает,
что это та же самая женщина, но в лохмотьях, с тазом.*

Это чудо превращения просто невозможно, но оно существует.

Проходит некоторое время, однако он не может разрешить для себя эту загадку. И вот однажды он приходит к испанскому посланнику и видит, что она сидит в ложе с каким-то аргентинским послом.

Тут она уже другая: она не русская красавица, она — испанка, но это одна и та же женщина.

И вот дальше проходит несколько превращений.

В чем дело? Оказывается, эта женщина — крепостная, ее то любят, то бросают, то опять ее поднимают.

Она — человек играющей судьбы. Она появляется то в одном, то в другом качестве.

Вот эта фантасмагория николаевской эпохи, это окружение женщины, которая становится виной каких-то фантасмагорических, но вполне исторических судеб...

Она изображена в этой глубокой историчности, в фантасмагории той эпохи.

Юрий Домбровский, 1975

— ...Вы хотите сказать — вещи не из внутреннего опыта.

— Есть разные внутренние опыты.

Лидия Гинзбург, 1933

ПРОЛОГ

КРАСНЫЙ СТАКАН

— Убьет он тебя, — сказала Маруся, нервно смеясь. Она нервничала весь день, еще в электричке, которая так медленно ползла по жаре, и теперь, в кафе «Север» на улице Горького, ей тоже было беспокойно. А с чего, казалось бы? Она ничего такого не делала. Ужас как надоело быть виноватой. Аркадий умел так молчать, исподлобья на нее взглядывая, так перетаскивать Светлану на свою сторону, так переходить с ней на «мы», — «Что ж, Светлана, не нужны мы ей больше, пойдем мяч гонять», — что как-то она и в самом деле привыкла, будто всегда ему должна. А ведь что такого? Что она делает сейчас неправильно? И ужасно было это чувство, что он наблюдает, хотя до такого он никогда бы не дошел. Сказал же он ей когда-то: я, Маруся, конник, а не шпион, я и разведку-то не любил никогда.

— Ну, — ответил Василий, — это еще кто кого убьет.

При этом он засопел совершенно по-мальчишечьи. Маруся еще раз подумала, что, конечно, Аркадий бы его сшиб с ног, если бы захотел, а может, просто так по-

смотрел бы, что и драки никакой не надо. Аркадий казался иногда старше своих тридцати двух, а Василию было двадцать семь. Несмотря на всю его суровость. Маруся все время чувствовала себя старшей, и ей это не нравилось.

С Аркадием в последнее время было совсем плохо. Участились припадки, которые почти проходили, когда он писал, но писать-то больше не мог. Все чаще часами сидел за столом, глядя в стену, грыз вставочку, потом решительно бросал ее и шел запускать со Светланой змея на пустырь или принимался вдруг учить ее боксировать. Занятия совсем не для девочки, он и хотел мальчика, но потом смирился — подумаешь, девочка, даже хорошо, мальчиков хороших много, а девочек таких, как моя Маруся, почти нет. И стал растить из Светы мальчишку: восхищался, когда она дралась, пел военные песни — большей частью, кажется, своего сочинения, — таскал в дальние пешие походы по окраинам. Все это не нравилось Марусе.

— Но ты себе много чего не думай, — сказала Маруся. — Мы погулять пошли. А так ничего.

— У нас знаешь как учат? — сказал летчик, наклоняясь к ней очень доверительно. — Меня товарищ Водопьянов готовит. Личный инструктор мой. Так вот, он когда на Байкале разбился, то понял: неприятности надо преодолевать по мере поступления. Помню, говорит, полз в снегу — и думал: чего там будет, еще поглядим. А пока — по мере поступления. Вот и я так думаю, да?

— Умный какой, — сказала Маруся и опять нервно засмеялась. Не надо было падать на Байкале и вообще называться героем Водопьяновым, чтобы понять такую простую вещь.

А вот сейчас, подумала Маруся, поступит мне такая неприятность, что сразу после мороженого товарищ герой Потанин скажет мне: поедem со мной, Маруся. У товарища героя наверняка есть квартира или другой товарищ герой, у которого уж точно квартира. И надо будет решать, ехать с ним или нет. Товарищи летчики приучены принимать быстрые решения. Когда товарищ герой еще в больнице лежал с простым сотрясением, он уже на Марусю смотрел глазами победителя. Не позволял себе ничего лишнего, но видно было, что может, если захочет, что так про себя и думает. Теперь было его время, а не Аркадия. Время Аркадия, чего он так и не понял, кончилось, когда было ему шестнадцать лет и он скакал на лихом коне. В двадцать был признан ограниченно годным и начал привыкать к другой профессии. Поначалу все у Аркадия получалось и был он молодое дарование, писал про войну и свои приключения, а дальше уже не получалось. Стал пить, возобновились припадки, мучившие его после контузии, и в этих припадках он себя резал. В одно из таких обострений загремел в Первую градскую, где служила Маруся, и как-то она его пожалела, да и была у нее тогда непростая любовь с женатым доктором, который теперь проживал в городе Ташкенте, потому что скрывал некоторые факты своей дореволюционной биографии. Но тогда доктор был еще на месте, продолжал приставать, и надо было его как-то забыть. Вот Маруся и забыла, а Аркадий был такой добрый, часто веселый, вырезал деревянные игрушки, завлекательно рассказывал, — она и подумала: двадцать два года, чего ждать? Опомнилась, а тут уже и Светлана. И все вошло в колею. «Колея» было слово, которое теперь чаще всего